

В. А. ШКЕРИН

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО
СОЗНАНИЯ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОШЕНИЙ ПОВЕРЕННОГО МАСТЕРОВЫХ
БЕРЕЗОВСКИХ ЗОЛОТЫХ ПРИИСКОВ Е. Т. ДЮРЯГИНА)**

Волнения мастеровых казенных Березовских золотых приисков 1820—1821 гг. привлекли внимание исследователей достаточно давно. Им было уделено место во многих работах обобщающего характера¹, опубликован ряд документов, созданных восставшими и заводским начальством во время волнений². Особое внимание было уделено Егору Тимофеевичу Дюрягину — поверенному мастеровых и, несомненно, наиболее яркой личности среди них³. Автор статьи, посвященной Е. Т. Дюрягину, А. П. Бажова утверждает: «Роль Дюрягина в волнениях чрезвычайно велика. Его грамотность, знание законов, ненависть к заводскому начальству, личные смелость и упорство, наконец, трезвое понимание условий российской действительности способствовали тому, что горнорабочие Березовских золотопромывальных заводов, восставшие во имя улучшения условий жизни, добились уступок со стороны правительства»⁴.

¹ Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. М., 1925. Т. 1; Саввич А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале. XVIII—XIX вв. М., 1931. С. 58—59; Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале. Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800—1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 104—112; Панкратова А. М. Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX века // Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1955. Т. 1, ч. 1. С. 59—60; История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 186; История рабочего класса России. Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1963. С. 147, 155; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 442.

² Рабочее движение... С. 512—539.

³ Бажова А. П. Егор Дюрягин — руководитель волнений рабочих Березовских золотых приисков // Вопросы социально-экономической истории и историкоисследования периода феодализма в России. М., 1961. С. 171—175.

⁴ Там же. С. 175.

Конфликт березовских мастеровых с начальством вспыхнул на Пасху, 31 марта 1820 г., при отказе рабочих выходить на работы в праздничные дни. В апреле—мае «смотритель при пожарных машинах» Егор Дюрягин и его товарищ Гавриил Гуляев получили от мастеровых «доверенность просить в чинимых им от местного начальства об обидах и притеснениях»⁵. В июне Дюрягин в числе тринадцати человек мастеровых был отослан в Екатеринбургский горный военный суд, где был «обличен яко первый зачинщик того смятения». После некоторого времени «тюремного содержания» десять мастеровых и среди них оба поверенных в ножных кандалах и «под крепким караулом десяти человек горной роты и двадцати человек инвалидной команды и этапной тринадцати человек» были «препровождены» в Кушвинский завод. Арестантов отправили в десятидневный путь, не позаботившись выдать на дорогу кормовые деньги и не допустив к ним родных. В Кушвинском заводе Дюрягин «в присутствии горного начальника осмелился поносить бранными словами берг-инспектора». Видимо, им же был организован групповой отказ сосланных мастеровых выйти на работу, за что они были наказаны палками. Тем временем на Березовском заводе возобновились волнения, и рабочие выдвинули как одно из важнейших требование вернуть поверенных: «Чтоб-те поверенные, как невинные, и с ними вместе все мастеровые, отосланные на Богословские и Гороблагодатские заводы, были возвращены к ним, дабы они могли с ними о чем посоветоваться». На завод прибыла воинская команда, которая провела массовую экзекуцию рабочих. Дюрягина же за систематическое неповиновение администрации вызвали в Кушвинский горный суд, но он отказался отвечать на вопросы и был отослан в суд Екатеринбургский. На обратном пути, на второй станции от Екатеринбурга, 3 октября он совершил побег. Скрывался Дюрягин на острове близ Березовского завода, где им было написано несколько новых прошений, и в том числе императору и императрице. После этого Дюрягин, не считая себя виновным, сам пошел к пермскому гражданскому губернатору и, конечно же, был арестован. Оказавшись опять на Гороблагодатских заводах, он вновь отказался отвечать на допросах и выходить на работу. В 1824 г. Е. Т. Дюрягин был проведен «сквозь строй» в 500 человек и сослан на Гороблагодатские заводы навечно. Администрации же было запрещено «употреблять рабочих Березовских заводов в воскресные и праздничные дни без большой надобности, особливо против прежних обыкновений»⁵.

Общее число прошений, написанных Егором Дюрягиным в 1820—1821 гг., неизвестно. Мы имели возможность познакомиться

⁵ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 355. Л. 127—131 об.; Д. 357. Л. 11—12.

с 11 прошениями, хранящимися в Государственном архиве Свердловской области⁶. Эти документы не противоречат друг другу, из чего можно судить о содержании всей совокупности прошений, созданных автором в это время. К сожалению, большинство из них найдено в черновых вариантах, два из них остались незавершенными. Одно из прошений (видимо, самое раннее) подписано обоими поверенными — Дюрягиным и Гуляевым. Другое подано от имени жены Е. Дюрягина, но не вызывает сомнения, что действительным автором был он сам. В доказательство можно привести как минимум три довода: а) прошение жены написано тем же почерком, что и прочие; б) даже при беглом прочтении явно заметен индивидуальный авторский стиль Дюрягина (использование определенных языковых готовностей, особенности конструкций предложений и прошений в целом); в) прошение было найдено вместе с другими бумагами на острове, где скрывался Дюрягин, хотя в самом документе указывается, что Елизавета Дюрягина с мужем после его побега не встречалась.

Прошения писались Е. Дюрягиным от имени березовских мастеровых («от мастеровых поверенный») и, соответственно, автор стремился отразить в них взгляды и настроения всей «команды». Однако Дюрягин отнюдь не старался затушевать свою роль как автора документов. Несомненно, не только форма, но и содержание прошений несут печать его индивидуальности. Но оснований говорить о существенных различиях в политических и правовых позициях Дюрягина и других березовских мастеровых у нас нет. Таким образом, мы считаем возможным изучение некоторых черт политического и правового сознания Е. Дюрягина по его прошениям, предполагая, что полученные результаты типичны для березовских мастеровых первой половины XIX в.

Известный американский социолог Сеймур Мартин Липсет выдвинул следующее положение: «Стабильность любого данного государственного строя, его долговременная способность принимать решения и обеспечивать их выполнение без открытого применения силы в значительной степени зависит от законности и эффективности. Законность связана со способностью системы формировать и поддерживать убеждение в том, что существующие политические институты лучше всего подходят для данного общества; эффективность же означает фактическую деятельность, ту степень удовлетворительности, с которой система выполняет основные функции государственного управления, как их понимает большинство населения и его важнейшие влиятельные группы...»⁷. Данное положение

⁶ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 335. Л. 105, об.; Д. 356. Л. 120—129; Д. 357. Л. 14—15 об., 19—20 об., 22 об., 28—30 об., 35—51 об.

⁷ Липсет С. И. Политическая социология. // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 203.

Цифровое выражение оценок, данных Е. Т. Дюрягиным деятельности

представителей администрации

№	Объект высказываний	0	0	0	+1	+1	+2	+2
		0	+2	-2	+2	-1	0	+2
1	Император	—	—	1	—	1	12	—
1а	Император	—	—	1	—	1	14	12
2	Начальник Екатеринбургских заводов	5	1	—	—	—	—	—
3	Екатеринбургский горный суд	4	3	—	—	—	—	2
3а	Екатеринбургский горный суд	4	3	—	—	—	3	4
4	Пермский берг-инспектор	3	1	—	—	—	—	—
5	Правительство Березовского завода	4	—	—	1	—	—	—
6	«Начальства»	3	—	—	—	—	—	1
6а	«Начальства»	3	—	—	—	—	—	2
7	Начальник Березовского завода	3	—	—	—	—	—	—
8	Священнослужители Березовского завода	1	—	—	—	—	—	—
9	«Высшие начальства (правительства, чины)»	—	—	—	—	1	—	—
10	«Малые чины»	—	—	—	—	—	—	—
11	Командир воинской команды	—	—	—	—	—	—	—
12	Березовская заводская контора	—	—	—	—	—	—	—
13	Бог	—	—	—	—	—	6	2
14	«Светские судии»	—	—	—	2	—	—	—
15	Главная контора Екатеринбургских заводов	4	1	—	—	—	—	—

																	Σ*	
+2	-1	-1	-2	-2	-2	-2	-2	-2	ед.		%							
-2	+2	-2	0	+1	+2	-1	-2	ед.	%									
5	—	—	—	—	—	—	—	19	6,8									
5	—	—	—	—	—	—	—	33	11,9									
—	—	—	—	—	26	1	—	33	11,9									
—	1	—	—	—	15	—	—	25	9,0									
—	1	—	—	—	15	—	—	30	10,8									
—	—	—	1	—	17	—	—	22	7,9									
—	1	—	—	—	8	—	—	14	5,0									
—	2	—	2	—	3	—	—	11	4,0									
—	2	—	2	—	3	—	—	12	4,3									
—	2	—	—	—	6	—	—	11	4,0									
—	—	—	—	—	10	—	—	11	4,0									
—	—	—	—	—	10	—	—	11	4,0									
—	—	—	—	—	11	—	—	11	4,0									
—	—	—	—	—	10	—	—	10	3,6									
—	2	—	—	—	6	—	—	8	2,9									
—	—	—	—	—	—	—	—	8	2,9									
—	—	—	—	—	5	—	—	7	2,5									
—	—	—	1	—	—	—	—	6	2,2									

№	Объект выказаний	0 0	0 -2	0 -2	-1 -2	+1 -1	-2 0	-2 -2	Σ*		
									ед.	%	
16	Частный смотритель Березовских заводов	1	—	—	—	—	—	—	—	6	2,2
17	Екатеринбургский магистрат	5	—	—	—	—	—	—	—	5	1,8
18	Березовская заводская полиция	—	1	—	—	—	—	—	—	5	1,8
19	Начальник Гороблагодатских заводов	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1,4
20	«Управление горной частию»	1	—	—	—	—	—	1	—	4	1,4
21	Правда, Добродетель	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,7
21*	Правда, Добродетель	—	—	—	—	—	—	2	—	4	1,4
22	Ненависть, Мздоимство, Лихоимство, Злоба	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,1
23	Министр духовных дел и народного просвещения	2	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
24	Надзиратель	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
25	Штейгер	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
26	Министр финансов	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
27	Кушвинский горный суд	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,1
28	Синод	1	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
29	Пермский гражданский губернатор	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30	Сибирский генерал-губернатор	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
31	Церковь	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4
32	Главная контора Гороблагодатских заводов	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
33	Заводской доктор	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4
34	Расходчик	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4
35	Ненависть	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4

	+2 -2	-1 +2	-1 -2	-2 0	-2 +1	-2 +2	-2 -1	-2 -2	Σ*	
									ед.	%
	—	—	—	—	1	4	—	—	6	2,2
	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1,8
	—	2	—	—	—	2	—	—	5	1,8
	—	—	—	—	—	4	—	—	4	1,4
	—	—	—	—	—	1	—	1	4	1,4
	2	—	—	—	—	—	—	—	2	0,7
	2	—	—	—	—	—	—	—	4	1,4
	—	—	—	—	—	3	—	—	3	1,1
	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
	—	—	—	—	—	2	—	—	2	1,1
	—	—	—	—	—	2	—	—	2	1,1
	2	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
	—	—	—	—	—	1	—	—	2	1,1
	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,1
	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4
	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4
	—	—	—	—	—	2	—	—	2	1,1
	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4
	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4

Примечание. Обращения к адресатам как упоминания не учитывались. Роль гражданскому губернатору, сибирскому генерал-губернатору, высшему духовному лицу и недописанным) адресат не указан, но можно предположить, что это также император.

В тех случаях, когда содержание объектов высказываний недостаточно ясно, они даны в сочетаниях «00»; «0+2» и т. д. первая цифра обозначает показатель «законность», встречающихся.

Строка «Император» (1) включает оценку тех его действий, результаты которых ния, в том числе и те, которых мастера рисуют идеальный, ожидаемый ими образ.

и 21а. Звездочкой обозначено общее число упоминаний данного объекта (ед.) и их процент.

адресата в пяти случаях досталась императору и по одному разу императрице, пермскому мекому «отцу и покровителю Николаю Родионовичу». В одном случае (документ остался

в формулировке автора.

а вторая — «эффективность». Из 25 возможных сочетаний использовано 15 реально

мастерские ощутили в реальной жизни. Строка «Император» (1а) включает все упомина-

Аналогичным образом отличаются друг от друга и содержание строк 3 и 3а, 6 и 6а, 21

все выражение к сумме всех упоминаний всех объектов (%).

ние было использовано в качестве основы для изучения политического и правового сознания Егора Дюрягина как выразителя настроений березовских мастеровых.

Основным методом, с помощью которого исследовались прошения Дюрягина, был контент-анализ. Вначале каждое действие (приказ, указание) того или иного представителя администрации не только подсчитывалось, но и, исходя из описаний автора, получало две оценки (от +2 до—2) по критериям законности и эффективности. Цифровое выражение оценок означает следующее:

а) по шкале «законность»: +2 — действие оценивается как несомненно законное; +1 — автор не уверен, но считает, что действие законно; —1 — автор не уверен, но считает, что действие не законно; —2 — действие оценивается, как, несомненно, незаконное;

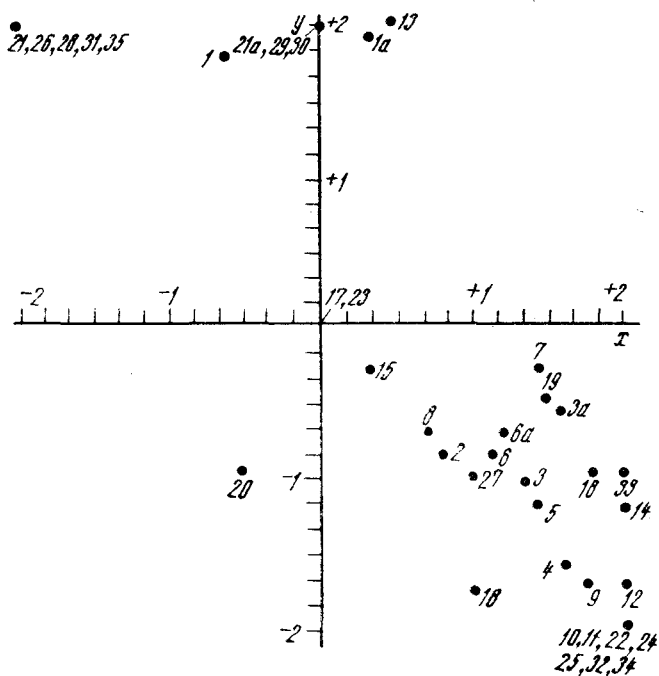
б) по шкале «эффективность» +2 — действие оценивается как: полностью достигшее цели; +1 — достигшее цели в основном; —1 — достигшее цели лишь отчасти; —2 — полностью не достигшее цели;

в) 0 — действие упомянуто, но не получило оценки (см. таблицу).

Далее, на основе полученного цифрового материала с помощью системы координат было построено субъективное пространство, претендующее на роль операционного аналога некоторых оценочных структур сознания Е. Дюрягина. Ось абсцисс (см. рисунок) данной системы координат обозначает шкалу эффективности, ось координат — шкалу законности. Преимущественно такой формы представления полученных результатов заключается в ее простоте и наглядности.

Прежде чем приступить к интерпретации полученной картины, необходимо отметить, что расположение различных точек на ней имеет различную репрезентативность в зависимости от количества упоминаний объекта, по которому они были поставлены. Не случайно точки, поставленные по единичным упоминаниям, заняли в пространстве полярные положения (см. рисунок). Воспринимать их следует в самом общем плане, учитывая большие искажения.

При первом рассмотрении полученного пространства можно сделать вывод о серьезной неудовлетворенности мастеровых своей администрацией. Абсолютное большинство точек расположилось в двух квадратах: действия «законны, но неэффективны» и «незаконны, но эффективны». Субъектами первых оказались лица, непосредственно не взаимодействовавшие с мастеровыми: царь, министр финансов, святейший Синод, губернаторы, а также абстрактные понятия: правда, добродетель, неназаты. На очень невысокую эффективность претендуют лишь двое — царь (1а) и Бог. Субъектами вторых оказываются представители администрации,

Графическое выражение оценок, данных Е. Т. Дюрягиным, деятельности представителей администрации:
1-35 — номера объектов высказываний (см. таблицу)

с которыми мастеровым реально приходилось иметь дело, и абстрактные понятия: злоба, ненависть, мздоимство, лихоимство.

Понятие Бога трудно поддается определению как «действительное» или «ожидаемое». Интенсивность упоминания Бога относительно невелика (2,9%). В большинстве случаев Дюрягин упоминает его не как субъект действий, а как объект веры или службы. Оценка «эффективности» деятельности Бога также невелика, что, видимо, можно объяснить двояко: либо как признание того, что «Бог забыл» о березовских мастеровых, либо слабой религиозностью Дюрягина.

Необходимо отметить большое различие в сознании Дюрягина между образами императора I и Ia. Это заметно уже по таблице: хотя законность его действий в большинстве случаев не вызывает и тени сомнений, столь же высоко оцениваемая их эффективность только ожидается. Эффективность же тех распоряжений, результаты которых рабочие видели в реальной жизни, либо не получает оценки, либо оценивается крайне низко. На оценочном поле про-

екции двух образов императора, почти не отличаясь по уровню законности, резко отличаются по оценке эффективности. Все это свидетельствует о том, что авторитет царя у рабочих держался на традиции, вере, не получая подкрепления в их социальном опыте. Распространение в этих условиях в среде уральских рабочих антицаристских настроений не представляется случайным.

Понятие «высшие начальства (чины, правительства)» на языке рабочих означало не правительство империи, а высших чиновников, управлявших уральскими заводами. Интенсивность упоминаний объектов, без сомнения, относимых Дюрягиным к этой категории («высших начальств», начальника Екатеринбургских заводов, Екатеринбургского горного военного суда, пермского берг-инспектора), достигает 34,6% и дает право называть их главными отрицательными героями прошений. На оценочном поле точки «высших» и «малых чинов» располагаются неподалеку друг от друга в области наиболее отрицательных оценок. Дюрягин говорил о взаимодействии «высших» и «малых чинов» в творимых злоупотреблениях: «Главное (высшее, Екатеринбургских заводов) начальство подражает малым чиновникам (чинам) в злоупотреблениях и подает (им) повод к ущербу государственного интереса (казны Вашего Императорского Величества)»⁸. Несомненно, причина бедствий мастеровых была персонифицирована в сознании Дюрягина, но важно, что персонификация эта проходила не только и не столько на уровне местного заводского начальства («правительство Березовского завода»; заводская контора; управляющий заводом; чиновники; частные смотрители; священники заводская полиция; штейгеры; надзиратели расходчики; $\Sigma = 25,7\%$), сколько на уровне «высших чинов» управления уральских заводов в целом. Возможно, благотворное влияние на развитие сознания рабочих казенных заводов оказало то обстоятельство, что в отличие от частных заводов, где управляющие, приказчики, заводские конторы стремились сами решать конфликты с рабочими, ограничиваясь помощью лишь заводских исправников и допуская более широкое вмешательство государства в дела завода в самых крайних случаях, начальство казенных заводов действовало как раз наоборот. Начальник Екатеринбургских заводов появился на Березовском заводе уже на следующий день после отказа мастеровых приступить к работам. Соответственно, на его долю и выпала незавидная роль олицетворять в глазах рабочих силы, противостоящие им (11,9%), и начальник Березовского завода явно уступает ему эту роль (4,0%).

⁸ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 356. Л. 124 об., 128 об.; Д. 377. Л. 42.

Рассмотрим теперь представления Е. Дюрягина об отношениях царя, чиновников и мастеровых с законом и друг с другом, и прежде всего выясним понятие источника законов. Вот как выглядят эти источники в понимании Е. Т. Дюрягина:

Источник законов	Число упоминаний	Интенсивность упоминаний, %
Император	31	51,7
Министер финансов (при докладе императору)	4	6,7
Священный синод	2	3,3
Не определен	23	38,3

Как видим, таким источником более чем в половине случаев являлся царь. Велико также и число упоминаний законов без указания их источника, что можно объяснить как признание ценности законов самих по себе безотносительно к источнику их происхождения. Упоминания Дюрягина о законах носят положительный характер. Исключения единичны: в одном случае автор рассказывает как после неудачной попытки обратиться с просьбой к берг-инспектору группа ссыльных мастеровых прекратила дальнейшие действия «дабы не подпасть строгому суждению законов и не понести бы напрасного оштрафования»⁹; в двух других пишет: «К сокращению нас у судей издан закон, но не знаем прежде был ли такой он»¹⁰.

Мастеровые вступают во взаимоотношения с законом, а значит, и с его источником — царем посредством принятия присяги: «Мы присягою и символом служим для государя и Бога...»¹¹. Притяга в понимании Дюрягина своеобразный договор мастеровых с царем, по которому каждая из сторон обязуется честно исполнять свои обязанности: мастеровые — работать, царь — защищать их от злоупотреблений. Именно поэтому автор прошений неоднократно напоминает царю: «...мы верноподданные помним долг присяги, собрались на работу кому куда следует (кому следует на первую часть рудника в перекликовую избу)...»¹²; «По находжению же в работах, где всеми мерами и силами стараемся выполнить в самой точности всевозможные и должные нами обязанности, касающиеся общей пользе отечества, со всегдашним усердием и прилежанием по долгу присяги нашей...»¹³. Впрочем, Дюрягин упоминает и другую присягу, которую мастеровые приняли при

⁹ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 356. Л. 125 об., 126.

¹⁰ Там же. Д. 357. Л. 35 об., 50; Рабочее движение... С. 521.

¹¹ Там же.

¹² ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 356. Л. 127; Д. 357. Л. 39.

¹³ Там же. Д. 357. Л. 37 об.

всеобщей порке на площади — «присягу на тот конец, чтобы всегда в воскресенье и праздничные дни обращаться в работах...»¹⁴. Но эта присяга была принята насильно («Мастеровые видя такое бесчеловечие от начальства принуждены были дать подписки и принять присягу из принуждения, а не по охоте»; «...по приведению же... мастеровых чрез смертные раны к присяге и подписке»¹⁵), а главное, непонятно, кому она дана («но неизвестно за кого, Ваше Императорское Величество, приняли присягу»¹⁶). Таким образом, Дюрягин проводит мысль, что присяга, данная против воли и не царю, незаконна.

Злоупотребления чиновников, доказывает автор, вредят не только рабочим, но и «казне Вашего Императорского Величества» («государственному интересу»)¹⁷. Противоречие между чиновниками и царем Дюрягин распространяет и на сферу политики, указывая, что чиновники узурпировали его власть на местах («Нет законов государя нашего батюшка, потому что судии ведут дела не по указам, а поступают с нами от высших чинов по приказам... Мы присягою и символом служим для государства и Бога, а цыне у нас размножилось светских судий власть многа...»¹⁸, и отмечая прямую зависимость авторитета царя от эффективности его политики, призывает его «повелеть прочесть Всемилощивейшаго веления Вашего Императорского Величества, дабы всяк подданный мог чувствовать, что вы есть монарх России и благодетель народов»¹⁹.

Никаких противоречий мастеровых с «казной» Дюрягин не признает и даже волнения, по его мнению, «ничуть не навели ущербу казне Вашего Императорского Величества, кроме того, как только прибыль, потому что по некоторому уменьшению у чиновников злоупотребленнев, после оного смятения, как в добыче руд, так и в оных золота оказалось более прошлого года...»²⁰. Так же легко автор решает и проблему ущерба, возникшего вследствие его побега из-под стражи: коль скоро он выбран поверенным, то мастеровые и отработают за него долг «казне»²¹.

Интересные данные в этом же направлении может дать и анализ обозначений Дюрягиным себя и своей социальной общности —

¹⁴ Там же. Л. 14 об.

¹⁵ Там же. Л. 44 об., 45.

¹⁶ Там же. Л. 45.

¹⁷ Там же. Д. 356. Л. 124 об., 126, 127 об.; Д. 357. Л. 29, 42, 45 об.; Рабочее движение... С. 523.

¹⁸ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 357. Л. 35 об., 50; Рабочее движение... С. 521.

¹⁹ Там же. Д. 356. Л. 126.

²⁰ Там же. Д. 357. Л. 45.

²¹ Там же. Л. 30 об.; Рабочее движение... С. 525.

березовских мастеровых. Вот как выглядит анализ самоназваний и названий своей социальной общности на языке Е. Т. Дюрягина:

	Число упоминаний	Интенсивность упоминаний, %
Самоназвания	58	100
«Верноподданный»	27	46,6
«От мастеровых поверенный»	27	46,6
«Мастеровой»	4	6,9
Названия социальной общности	132	100
«Мастеровые» («мастерское сословие»)	63	47,8
«Команда»	45	34,1
«Бедные (беднейшие) люди» («беднейшее наше сословие»)	11	8,4
«Верноподданные»	10	7,6
«Ремесленные люди»	3	2,3
«Рабочие люди»	2	1,5
«Казенные люди»	1	0,8

Говоря о своих доверителях, Дюрягин чаще всего отмечает их точный социальный статус («мастеровые»), затем их организованность и, следовательно, общность выдвинутых требований и законность своей миссии («команда»), после этого (примерно равным числом упоминаний) — их бедственное положение («беднейшие люди») и отсутствие противоречий с царем, а значит, с законом («верноподданные»). Говоря о себе, Дюрягин подчеркивает свое отношение к царю («верноподданный») и к мастеровым («от мастеровых поверенный»). Определение же своего социального статуса («мастеровой») в прошениях Дюрягина далеко на заднем плане. Это доказывает, что Дюрягин видел свою роль в том, что соединял разъединенных, по его мнению, чиновниками царя и мастеровых, был полон сознания значимости своей роли и гордости ею.

Подведем итоги. Здоровой человеческой психике, видимо, свойственно ожидание хорошего, что нашло отражение и в рассмотренных прошениях. Для мастеровых являлось аксиомой, что не может быть издан закон, вредящий честным людям. Отношение мастеровых к незнакомым им лично администраторам также изначально было хорошее, однако последние в реальной жизни, как правило, не оправдывали надежд подчиненных, и потому эти ожидания были тем прочнее, чем больше была дистанция, их разделявшая. Олицетворением законности оказывался император, отношение к пермскому гражданскому губернатору было погранично-неопределенным, а к начальнику Екатеринбургских заводов —

резко отрицательным. Такой подход был возможен еще и потому, что мастеровые не поднялись до понимания административной системы, связывавшей воедино императора и ненавистного им начальника. Отрицательное отношение мастеровых к местной администрации очевидно, но суть этого — в осуждении действий отдельных чиновников как личностей, связанных между собой узлами корпоративной поддержки, или отдельных государственных учреждений. С другой стороны, мастеровые приписывали «законность» (т. е. в их понимании направленность на принесение блага честным и бедным людям) деятельности высшей столичной администрации, отказывая ей в эффективности. Руководствуясь данной иллюзией, мастеровые пытались доказать высшей государственной администрации, что ее с ними объединяет общность интересов и этим интересам угрожает деятельность нечестных представителей местной администрации. Исходя из оценки подобных настроений (а они, видимо, были распространены весьма широко) позиции государственной власти на Урале в 20-е гг. XIX в. можно характеризовать как весьма далекие от стабильных, что доказывается частым применением здесь воинских сил для борьбы с рабочими выступлениями. Однако движения, подобные березовскому, искали причину бедственного положения народных масс в нарушениях законов местной администрацией и не были осознанно направлены на подрыв феодальной системы.

Решая проблему правомерности законов и указаний, Дюрягин учитывал их происхождение, источник: были ли они изданы от имени царя или утверждались им. Лишь в одной фразе, повторенной в двух случаях, Дюрягин использует столь характерную для традиционного сознания логику обоснования законности явления через его давность: «... издан закон, но не знаем, прежде был ли такой он». Так как фраза эта взята из той части текста, в которой автор пытается изложить свои мысли в стихотворной форме, не последнюю роль в ее написании могло сыграть простое желание сохранить рифму стиха. Хорошо сознавая взаимосвязь прав и обязанностей, Дюрягин постоянно делает упор на доказательство законопослушности мастеровых, верности присяге, данной ими. Одной из главных причин правовых разногласий мастеровых с заводской администрацией первоначально был вопрос о праве на гарантированный отдых в праздничные дни. Интересно, что доказывая право мастеровых отдыхать на Пасху, Дюрягин даже в прошении, отправленном духовному лицу, не обосновывает его религиозной значимостью этого праздника. По мере развития событий проявились и некоторые требования мастеровых по вопросам административного и уголовно-процессуального права: право выбирать из своей среды поверенных, неприкосновенность дан-

ных лиц; признание любого, а тем более телесного наказания без следствия и суда незаконным; право подозреваемого отказаться от дачи показаний суду, если он считает его состав небеспристрастным; право осужденного обжаловать приговор и с этой целью обращаться в любые инстанции, включая императора. Ни одним словом в прошениях не упомянуты сословные принципы российского законодательства. Можно сказать, что требования мастеровых в области права носили общегуманистическую направленность.